

**МАРКУС  
ЗУСАК**

**КНИЖНЫЙ ВОР**



Москва  
2022

**#** соблазна книг  
не одолеть



**МАРКУС  
ЗУСАК**

**КНИЖНЫЙ ВОР**



Москва

УДК 821.111-31(94)  
ББК 84(8Авс)-44  
3-95

Markus Zusak  
THE BOOK THIEF

Text copyright © Markus Zusak, 2005  
Illustrations copyright © Trudy White, 2005  
This edition is published by arrangement with  
Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Николая Мезина*,  
под редакцией *Максима Немцова*

Иллюстрации *Труды Уайт*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В коллаже на обложке серии «Большие буквы (обложка)»  
использованы репродукции работ художников  
*Йоргена Гудмундсен-Холмгрена* и *Феликса Нуссбаума*

**Зусак, Маркус.**

З-95 Книжный вор / Маркус Зусак ; [перевод с ан-  
глийского Н. Мезина, под редакцией М. Немцо-  
ва]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.: ил.

ISBN 978-5-04-160940-5 (Большие буквы)  
ISBN 978-5-699-96590-8 (Культовая классика)

Январь 1939 года. Германия. Страна, затаившая дыха-  
ние. Никогда еще у смерти не было столько работы. А будет  
еще больше. Мать везет девятилетнюю Лизель Мемингер и ее  
младшего брата к приемным родителям под Мюнхен, потому  
что их отца больше нет — его унесло дыханием чужого и стран-  
ного слова «коммунист», и в глазах матери девочка видит страх  
перед такой же судьбой. В дороге смерть навещает мальчика  
и впервые замечает Лизель. Так девочка оказывается на Хим-  
мель-штрассе — Небесной улице. Кто бы ни придумал это на-  
звание, у него имелось здоровое чувство юмора. Не то чтобы там  
была сущая преисподняя. Нет. Но и никак не рай. «Книжный  
вор» — недлинная история, в которой, среди прочего, говорит-  
ся: об одной девочке; о разных словах; об аккордеонисте; о раз-  
ных фанатичных немцах; о еврейском драчуне и о множестве  
краж. Это книга о силе слов и способности книг вскармливать  
душу. Экранизирован в 2013 году.

УДК 821.111-31(94)  
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-160940-5  
ISBN 978-5-699-96590-8

© Мезин Н., перевод на русский язык, 2025  
© Издание на русском языке. Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Элизабет и Хельмуту Зусак  
с любовью и восхищением*



# ПРОЛОГ

## ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ ИЗ БИТОГО КАМНЯ

где наш рассказчик представляет:  
себя — краски — и книжную воришку



## СМЕРТЬ И ШОКОЛАД

С начала краски.  
Потом люди.

Так я обычно вижу мир.

Или, по крайней мере, пытаюсь.

**\* \* \* ВОТ МАЛЕНЬКИЙ ФАКТ \* \* \***  
**Когда-нибудь вы умрете.**

Ни капли не кривлю душой: я стараюсь подходить к этой теме легко, хотя большинство людей отказывается мне верить, сколько бы я ни возмущался. Прошу вас, поверьте. Я еще *как* умею быть легким. Умею быть дружелюбным. Доброжелательным. Душевным. И это на одну букву Д. Вот только не просите меня быть милым. Это не ко мне.

**\* \* \* РЕАКЦИЯ \* \* \***  
**НА ВЫШЕПРИВЕДЕННЫЙ ФАКТ**

**Это вас беспокоит?**

**Призываю вас — не бойтесь.**

**Я всего лишь справедлив.**

Ах да, представиться.

Для начала.

Где мои манеры?

Я мог бы представиться по всем правилам, но ведь в этом нет никакой необходимости. Вы узнаете меня вполне близко и довольно скоро — при всем разнообразии

вариантов. Достаточно сказать, что в какой-то день и час я со всем радушием встану над вами. На руках у меня будет ваша душа. На плече у меня будет сидеть какая-нибудь краска. Я осторожно понесу вас прочь.

В эту минуту вы будете где-то лежать (я редко застаю человека на ногах). Тело застынет на вас коркой. Возможно, это случится неожиданно, в воздухе разбрызгается крик. А после этого я услышу только одно — собственное дыхание и звук запаха, звук моих шагов.

Вопрос в том, какими красками будет все раскрашено в ту минуту, когда я приду за вами. О чем будет говорить небо?

Лично я люблю шоколадное. Небо цвета темного-темного шоколада. Говорят, этот цвет мне к лицу. Впрочем, я стараюсь наслаждаться всеми красками, которые вижу, — всем спектром. Миллиард вкусов или около того, и нет двух одинаковых — и небо, которое я медленно впитываю. Все это сглаживает острые края моего времени. Помогает расслабиться.

**\* \* \* НЕБОЛЬШАЯ ТЕОРИЯ \* \* \***

**Люди замечают краски дня только при его рождении и угасании, но я отчетливо вижу, что всякий день с каждой проходящей секундой протекает сквозь мириады оттенков и интонаций.**

**Единственный час может состоять из тысяч разных красок.**

**Восковатые желтые, синие с облачными плевками.**

**Грязные сумраки. У меня такая работа, что я взял за правило их замечать.**

На это я и намекаю: меня выручает одно умение — отвлекаться. Это спасает мой разум. И помогает управлять — учитывая, сколь долго я исполняю эту работу. Сможет ли хоть кто-нибудь меня заменить — вот в чем

вопрос. Кто займет мое место, пока я провожу отпуск в каком-нибудь из ваших стандартных курортных мест, будь оно пляжной или горнолыжной разновидности? Ответ ясен — никто, и это подвигло меня к сознательному и добровольному решению: отпуском мне будут отвлечения. Нечего и говорить, что это отпуск по кусочкам. Отпуск в красках.

И все равно не исключено, что кто-то из вас может спросить: зачем ему вообще нужен отпуск? *От чего* ему нужно отвлекаться?

Это будет второй мой пункт.

Оставшиеся люди.

Выжившие.

Это на них я не могу смотреть, хотя во многих случаях все-таки не удерживаюсь. Я намеренно высматриваю краски, чтобы отвлечь мысли от живых, но время от времени приходится замечать тех, кто остается, — раздавленных, повергнутых среди осколков головоломки осознания, отчаяния и удивления. У них проколоты сердца. Отбиты легкие.

Это, в свою очередь, подводит меня к тому, о чем я вам расскажу нынче вечером — или днем, или каков бы ни был час и цвет. Это будет история об одном из таких вечно остающихся — о знатоке выживания.

Недлинная история, в которой, среди прочего, говорится:

- об одной девочке;
- о разных словах;
- об аккордеонисте;
- о разных фанатичных немцах;
- о еврейском драчуне;
- и о множестве краж.

С книжной воришкой я встречался три раза.

## У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Сначала возникло что-то белое. Слепящей разновидности. Некоторые из вас наверняка верят во всякую тухлую дребедень: например, что белый — толком и не цвет никакой. Так вот, я пришел, чтобы сказать вам, что белый — это цвет. Без всяких сомнений цвет, и лично мне кажется, что спорить со мной вы не захотите.

**\* \* \* ОБНАДЕЖИВАЮЩЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕ \* \* \***

**Пожалуйста, не волнуйтесь,  
пусть я вам только что пригрозил.  
Все это хвастовство — я не свирепый.  
Я не злой.  
Я — итог.**

Да, все белое.

Мне показалось, что весь земной шар оделся в снег. Натянул его на себя, как натягивают свитер. У железнодорожного полотна — следы ног, утонувших по щиколотку. Деревья под ледяными одеялами.

Как вы могли догадаться, кто-то умер.

И его не могли просто взять и оставить на земле. Пока это еще не такая беда, но скоро путь впереди восстановят, и поезду нужно будет ехать дальше. Там было двое кондукторов.

И мать с дочерью.

Один труп.

Мать, дочь и труп — упрямы и безмолвны.

— Ну чего ты еще от меня хочешь?

Один кондуктор был высокий, другой — низкий. Высокий всегда заговаривал первым, хоть и не был начальником. Теперь он посмотрел на низкого и кругленького второго. У того было мясистое красное лицо.

— Ну, — ответил он, — мы не можем их просто здесь бросить, правильно?

Терпение высокого кончалось.

— Почему нет?

Низкий разозлился как черт. Он уперся взглядом в подбородок высокого:

— Spinnst du? Ты дурной?

Омерзение сгущалось на его щеках. Кожа натянулась.

— Пошли, — сказал он, оступившись в снегу. — Отнесем обратно в вагон всех троих, если придется. Сообщим на следующую станцию.

А я уже совершил самую элементарную ошибку. Не могу передать вам всю степень моего недовольства собой. Сначала я все делал правильно:

Изучил слепящее снежно-белое небо — оно стояло у окна движущегося вагона. Я прямо-таки *вдыхал* его, но все равно дал слабину. Я дрогнул — мне стало интересно. Девочка. Любопытство взяло верх, и я разрешил себе задержаться, насколько позволит мое расписание, — и понаблюдать.

Через двадцать три минуты, когда поезд остановился, я вылез из вагона за ними.

У меня на руках лежала маленькая душа.

Я стоял чуть справа от них.

Энергичный дуэт кондукторов направился обратно к матери, девочке и трупiku мужского пола. Точно помню, в тот день дышал я шумно. Удивляюсь, как кондук-

*Маркус Зусак*

торы меня не слышали. Мир уже провисал под тяжестью всего этого снега.

Метрах в десяти слева от меня стояла и мерзла бледная девочка с пустым животом.

У нее дрожали губы.

Она сложила на груди озябшие руки.

А на лице книжной воришки замерзли слезы.